

ЯЗЫК ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ: СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ*

С. А. Белов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
s.a.belov@spbu.ru

В. Б. Гулида

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург
v-gulida@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи предпринята попытка совмещения в одном пространстве юридического и лингвистического взгляда на проблему понимания языка правовых документов их адресатом. В фокусе рассмотрения находится выявление в таких текстах языковых трудностей для их понимания рядовым читателем и причин, по которым они возникают. Юридический и лингвистический подходы к проблеме выявляют каждый свой набор трудностей, но область их пересечения — юридическая терминология — представляет собой особую трудность для опознания ее пользователем, с одной стороны, и сложность лингвистической квалификации данной ситуации, с другой.

Ключевые слова: язык юридических документов, юридическая терминология, восприятие и понимание официальных текстов, психолингвистические и когнитивные условия, рядовой читатель.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00525 «Понятность официального русского языка: юридическая и лингвистическая проблематика».

The language of legal documents: difficulties in understanding

S. A. Belov

St. Petersburg State University, St. Petersburg
s.a.belov@spbu.ru

V. B. Gulida

St. Petersburg State University, St. Petersburg
v-gulida@yandex.ru

Abstract. This publication is a project to bring together linguists and lawyers to attack the problem of the principal distinction of the legal and lay languages as well as their common properties that our cooperation will help to reveal and make operational for law.

The RF legal community is known to act on the assumption that any native speaker of Russian is able to read and understand any Russian text, including legal documents. The occasional conflicts in the area do not change the situation. It is the linguists and “critical legal authors” (Turani 2010; Levitan 2014; Bogatyrev 2015), who joined the research project aimed at specifying the language difficulties blocking non-lawyer users from comfortable reading and understanding legal texts, and also finding what causes them.

For linguists, their primary aim of research is collecting real-life data about the ability of various societal groups to deal with legal language. Based on the established sociolinguistic methodology, the research design contains some new categories, relevant for the project. It plans a linguistic typology of legal texts and questionnaires for users aiming at obtaining the users’ (subjective) evaluation of textual difficulties, as well as their answers to questions about the content of the texts (the objective data section). The processed questionnaire data will be a source of information about the real status of legal language competence among national language speakers.

Legal authors put forward the problem of inadequate legal terminology as a number one difficulty factor: legal terms, composed of lay language units, do not possess the semantic precision either within a word, or at the semantic boundaries outside it, and the legally relevant referential meanings may be unclear. Another major source of difficulty are the construction defects of law provisions. The results of the project are to be made public soon.

Keywords: legal language, language of legal documents, reading and understanding legal texts, sociolinguistic methodology.

1. Введение. Юридическая постановка проблемы

Правовая теория делит все юридические документы («правовые акты») с точки зрения их содержания на (а) нормативные, «правотворческие» (установленные волей уполномоченного органа; их задача — установление общеобязательных правил поведения, адресованных неопределенному кругу лиц и рассчитанных на неоднократное применение) и (б) ненормативные, «правоприменительные» (выражающие волю одного или нескольких лиц; их задачей считается установление, изменение и прекращение конкретных отношений, содержание которых — права и обязанности их участников). Задачи юридических документов можно рассматривать как их юридические функции, роль в общем механизме действия права.

Выполнение этих функций предполагает, что содержание любого правового документа *осознанно* формулируется издающим его лицом и *доступно для восприятия* адресатом этого документа. Подобная презумпция видится настолько очевидной, что правоведы не уделяют ей особого внимания. Обеспечение доступности для прочтения текста нормативного акта гарантируется обнародованием текста, ненормативного — индивидуальным ознакомлением с этим текстом; этого кажется достаточным. Издание правоприменительных актов помимо этого требует также соблюдения гарантий свободы воли его участника: волеизъявление, совершенное под воздействием угроз, обмана или насилия будет порочно и потому недействительно. Однако в отношении правовых актов ни первого, ни второго вида не оценивается реальная возможность адресата понять их содержание; возможные сложности в этом охватываются общей презумпцией понятности.

Эта презумпция имеет лишь незначительные оговорки, сводимые к следующему.

Опубликование нормативного акта дает возможность ознакомиться с его содержанием любому, кто постоянно проживает в стране. Длительное отсутствие либо невладение государственным языком, на котором публикуются нормативные акты, может объяснить незнакомство с текстом закона. В отсутствие таких обстоятельств действует общая презумпция о том, что незнание закона не освобождает от ответственности.

Ненормативные акты, в отличие от законов, не публикуются для всеобщего сведения, следовательно, в отношении них знакомство

с текстом требует доказывания. Однако подпись гражданина под текстом такого акта *ipso facto* подтверждает знакомство с его содержанием. Единственное, что может опровергнуть такую презумпцию (равно как и презумпцию знания закона), — физическое или психическое состояние, не позволяющие понять смысл письменного документа, а в отношении акта, выражающего волю, — физические или психические препятствия к формированию и выражению воли.

Все указанные презумпции совершенно игнорируют то обстоятельство, что человек, в целом владеющий языком, на котором составлен юридический документ, может, тем не менее, не владеть в достаточной степени особенностями языка, на котором пишутся эти документы, а именно, особенностями «юридического» языка или чаще всего с ним ассоциируемого официально-делового стиля вообще. Само такое предположение игнорируется, а любые попытки взрослого здорового человека, умеющего читать и писать по-русски, доказать непонимание юридического документа воспринимаются как злоупотребление правами.

Подобная необходимость довольно часто возникает в судебной практике. Как показывают результаты мониторинга судебной практики¹, российские суды чаще всего подходят к оценке документов формально. Если под документом стоит подпись, то суды склонны расценивать ее как осознанное решение того, кто подписал документ, основанное на согласии с его буквальным смыслом и тем, что очевидным образом из него вытекает.²

В качестве примера можно привести выдержку из одного судебного решения:

¹ Мониторинг проводился в рамках проекта мониторинга правоприменения в СПбГУ по текстам судебных решений, вынесенных российскими судами после 2006 года и размещенных в БД «Консультант Плюс» (раздел «Судебная практика») и на информационных ресурсах, содержащих судебную практику: портал РосПравосудие, gscourts.ru, судебные.решения.рф, ras.arbitr.ru, pravo.ru, по поисковым запросам «не понимал смысла написанного», «не мог понять закон», «значение юридических терминов».

² Об этом свидетельствует проведенный анализ судебной практики по делам, в которых граждане пытались признать недействительным подписанный ими документ, ссылаясь на то, что он не отражает их реальное волеизъявление — см., напр., [Решение 2014], [Решение 2013], [Постановление 2015]. Здесь и далее ссылки на судебные решения приводятся по данным указанных выше сайтов (см. сноску 1).

- (1) *от пациентки получено добровольное согласие на медицинское вмешательство. В указанном информированном добровольном согласии разъяснено о возможных осложнениях и последствиях проведения операции. Информирование пациентки подтверждается ее подписью в заявлении. Из данного согласия следует, что ей было понятно, какое оперативное вмешательство будет иметь место, она получила понятные и полные разъяснения по поводу медицинского вмешательства, и оно ее удовлетворило. Доказательств обратного, вопреки положениям ст. 56 ГПК РФ, истцом не представлено. Кроме того, в судебном заседании пациентка не отрицала, что подписывала согласие на добровольное вмешательство [Определение 2015].*

В другом деле, где участник ссылался на то, что не понял смысла подписанного документа, суд указал, что «в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Законом РФ № 14-ФЗ от 08.04.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью» не требуется наличия специальных познаний (профильного образования, "понимания" и проч.) как обязательного условия ведения коммерческой деятельности, осуществления полномочий генерального директора, создания юридических лиц. Достаточно того, что лицо является дееспособным, следовательно, подписание документов свидетельствует о том, что оно понимало или должно было понимать смысл подписываемых документов» [Постановление 2011].

Аналогичным образом суды рассуждают и в отношении понимания нормативных актов, опираясь на известную еще из римского права правовую максиму «*ignorantia legis non excusat*»³. В научной литературе советского времени, начиная с известного тезиса наркома юстиции П. И. Стучки о том, что бессмысленно «требовать от граждан обязательного подчинения законам, которые им непонятны», и «величайшее лицемерие — говорить о справедливости в государстве, где знание всех законов обязательно (ибо их незнанием отговариваться не разрешается), в то же время эти законы настолько сложны, что их понимать и верно толковать могут только специалисты-юристы» [Стучка 1918: 5], авторы настаивали на необходимости понятности закона всем гражданам.

³ Чаще всего это латинское выражение на русский язык переводят как «незнание закона не освобождает от ответственности».

Сегодня ситуация меняется: вопрос о понятности законодательства в публичных дискуссиях возникает редко [Грозовский 2010], однако некоторые авторы-юристы не только озабочены проблемой понятности законов для обычных граждан, но и пытаются обнаружить причины этого [Турагин 2010], тогда как другие специалисты приходят к парадоксальному выводу, что адресатом законов выступают правоохранительные органы и государство в целом, а вовсе не граждане [Шепелёв 2012]. Получается, что казавшийся очевидным тезис о необходимости писать законы понятно, ставится под сомнение.

Юридические основания для этого отсутствуют. Право во многих случаях считает значимым для квалификации юридических последствий поступков человека его внутреннее, психологическое отношение к целям и смыслу таких поступков, его стремления и намерения. В уголовном и административном праве определенное отношение человека к его противоправному поступку (вина) рассматривается как обязательное условие наступления ответственности; в гражданском праве содержание сделки определяется прежде всего волей ее участников. Тем самым предполагается, что правовые последствия зависят от осознанности человеческого поведения, а такая осознанность в свою очередь может обеспечиваться лишь пониманием смысла тех документов, в которых выражаются поступки человека, и тех, которые определяют последствия поступков, то есть текстов как нормативных, так и ненормативных правовых актов.

Поддерживая в целом позицию, что «текстуальное выражение законодательных установлений должно быть ориентировано на рядового пользователя — человека без специального юридического образования и без специальных знаний, поскольку в противном случае закон перестанет отвечать критерию всеобщности, который проявляется в общедоступном содержании и ясной форме» [Турагин 2010], следует отметить, что подобная упрощенная юристами постановка вопроса вызывает сомнения с социолингвистической точки зрения. Одинаковой доступности для большого количества людей быть не может, поскольку компетенция конкретных людей в понимании юридических текстов неизбежно будет варьироваться. Приемлемый критерий — необходимость ориентироваться на рядового пользователя, человека без специального юридического образования, который, однако, не сформулирован прямо даже в академической литературе, не говоря уже о законодательстве.

Препятствия простоте и понятности правовых норм для юристов видятся лишь в «отсутствии разъяснений (законодательных дефиниций)» и «чрезмерной терминологической загруженности законодательного текста» [Турагин 2010].

Получается, чтобы решить проблему трудности понимания правовых терминов, нужно лишь дать хорошие законодательные определения, т. е. сопроводить текст разъяснениями в виде общих дефиниций. Это весьма распространенное мнение среди юристов, чьи представления о хорошем определении можно сформулировать так: это определение, которое будет (а) соответствовать законам логики (например, не замыкаться в логический круг), (б) определять термин либо через другие, ранее определенные термины, либо через слова общеупотребительного языка и (в) давать определения разным терминам так, чтобы их семантические поля не пересекались. Определение — это элемент правового акта, вносящий ясность, в каком именно значении используется в данном акте термин, который может в других правовых актах употребляться в другом значении. Таким образом, юридический подход предполагает конструирование юридической реальности в тексте правового акта, когда автор такого акта может задавать значение терминам, используя это как способ донести до читателя смысл, вкладываемый в этот правовой акт⁴.

Перед нами первый случай расхождения параметров описания значения слова между лингвистами и юристами: а) логичность не обсуждается лингвистами при описании словесного значения; в пункте б) есть ссылка на прецедентное использование; такая стратегия в лингвистических целях не используется. При этом сравнение слова в данном значении с его синонимическими либо контекстными соответствиями, анализ его сочетаемости с другими языковыми единицами является принятой процедурой. Задача в) «давать определения так, чтобы их семантические поля не пересекались», не имеет отношения к лингвистической постановке задачи, которая базируется на том, что описывать надо реальное, а не то, что желательно при данном подходе. Лингвистическое определение предназначено для констатации фактов реальности. Как можно

⁴ Следует отметить недоумение лингвиста по поводу последних двух предложений, которые, однако, являются выражением осознанной и принципиальной юридической позиции.

видеть, «хорошее» юридическое определение строится на других принципах, нежели лингвистическое.

Масштабность проблемы, заявленной К. М. Левитаном [Левитан 2004], — проблемы понимания как проблемы научного познания в целом и ее изучения в области права как частного случая можно только приветствовать. Определяющим среди форм бытия права, говорит нам автор, является текст закона, который должен соединять строгость и точность положений закона с доходчивостью, простотой и ясностью изложения. Рассуждая в теоретическом введении об условиях правильного понимания текста и причинах его возможного неправильного понимания, К. М. Левитан отдает должное сложности процесса понимания: язык, по мнению автора, предоставляет саму возможность понимания; это происходит за счет перевода человеком языковых знаков на «свой язык предметных, операциональных, вербальных значений». В приводимых психологических терминах атрибуции и каузальной атрибуции опознаются корреляты к лингвопрагматическим понятиям имплицитного и выводного значений. И поскольку текст не сводится целиком к информации, неизбежно порождение дополнительных значений, поэтому для создания общего корпуса смыслов и слов необходимы дальнейшие семантические операции [Левитан 2004: 48]. Процесс понимания, с выделением этапов опознания языкового знака, его идентификации, определения его социального значения и его личностного смысла, приобретает в изложении автора когнитивную и психолингвистическую глубину. В конце рассуждения, однако, автор приходит к заключению, что для понимания текстов профильного содержания главное — владение языком права. Неспециалист, практический работник правовой сферы и ученый-юрист в разной степени владеют им и, следовательно, в разной степени понимают текст. Поскольку мы ориентируемся на задачу массовой доступности текста, проблема, по-видимому, заключается в том, достаточно ли будет уровня неспециалиста для приемлемого понимания. Отметим, однако, что это видение ситуации значительно отличается от энтузиазма В. И. Туранина в его ориентации на рядового пользователя при создании нормативных текстов.

В. Ю. Туранин приводит примеры анализа материалов из юридических источников, вскрывающие причины, из-за которых страдают, по его мнению, простота и удобство понимания правовых норм: «...существует целый ряд ситуаций, характеризующихся

наличием реальной возможности для исключения непонятности законодательного текста, связанных с необходимостью разъяснения смысла некоторых юридических терминов» [Туранин 2010: 2]. «Например, — пишет В. Ю. Туранин, — в тексте Федерального закона “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” не определяется такой важный для данной сферы общественных отношений термин, как “допинг”, в тексте Федерального закона “О Российской корпорации нанотехнологий” не содержится определения самого термина “нанотехнология”, а в Земельном кодексе РФ не определен термин “рекультивация нарушенных земель”, содержание которого понятно далеко не всем адресатам закона» [Туранин 2010: 3]. С точки зрения лингвистики, если содержание этих терминов как юридических понятий отличается от их содержания как слов русского литературного языка, то толкование различий в значении абсолютно необходимо; если же этой специфики нет, то слова *допинг* и *нанотехнологии*, известные массовому читателю благодаря их широкому медийному использованию, могут быть понятны, чего нельзя сказать о словосочетании *рекультивация нарушенных земель*. В принципе, знакомство с лексической единицей в нескольких контекстах — потенциальное подспорье для обогащения знания разных значений слов, хотя эффективность освоения значений медийного употребления слов для их понимания при чтении документов как терминов выглядит сомнительно: юридическая норма использования слова нуждается в максимально точном определении значения, не оставляющем сомнения относительно того, что под ним следует понимать при применении конкретного правового акта.

Пример, который приводит В. Ю. Туранин, демонстрируя «чрезмерную терминологическую загруженность законодательного текста, ... предопределяемую неоправданной сложностью языковых конструкций, используемых в законодательном тексте» [Туранин 2010: 3], — одно из положений Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ). Пункт 6 ч. 1 ст. 1 ЗК РФ в качестве принципа земельного законодательства устанавливает «приоритет сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий, согласно которому изъятие ценных земель сельскохозяйственного назначения, земель лесного фонда, занятых лесами первой группы, земель особо охраняемых природных территорий и объектов, земель, занятых объектами культурного наследия, других особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий для иных

целей ограничивается или запрещается в порядке, установленном федеральными законами». Несмотря на то, что приведенная «законодательная конструкция» является нормой-принципом, в которой предполагается четкость, ясность и лаконичность, по мнению автора, «законодатель излишне терминологизировал нормативный словесный ряд, перегрузив его наименованиями видов особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий». «Считаем, — пишет В. Ю. Туранин, — что необходимости в такой детализации нет, поскольку основной задачей нормы-принципа является установление общего начала (правила) земельного законодательства, а детальную регламентацию выделенных видов земель содержит глава XVII, а также ст.ст. 79 и 101 ЗК РФ».

В этом примере проявилась неоднозначность введенных автором терминов: изначально речь шла о *сложных языковых конструкциях*, в то время как автор представляет *законодательную конструкцию* — совершенно другое понятие, с иным содержанием (*нормы-принципа*). Исходя из значения юридического, а не лингвистического термина, можно квалифицировать лингвистическое действие автора статьи как *излишнюю терминологизацию нормативного* словесного ряда. По своей семантике слово *терминологизация* предполагает введение терминов для обозначения разных видов ценных земель. Через строку автор называет этот же процесс *детализацией*, что, видимо, означает процесс членения реальной действительности на дробные единицы. Более того, автор, говоря о *нормативном словесном ряде*, видимо, не подозревает, что вводит неизвестный науке лингвистический термин. Помимо описанных неожиданных эффектов остается актуальным вопрос о затруднительности этой статьи Земельного кодекса для восприятия. В этом с автором можно только согласиться: статья трудна, точнее, утомительна для восприятия своей длительностью, связанной с большим количеством деталей. Ее стоило бы сократить ради удобства читающих, но удобство и доступность для понимания — разные категории, поэтому анализ на этом не может остановиться. Далее автор статьи приводит юридические доводы в пользу возможности ее сокращения, что является более серьезным обоснованием. Однако у лингвиста остается некоторое недоумение по поводу легкости, с какой можно усилить или ослабить детализацию юридического понятия. Для профессионала же эта ситуация штатная: каждый раз вопрос решается ситуативно, чаще всего разработчиком текста.

Отметим лингвистическую деталь: наличие двух слов (*детализация, терминологизация*) и двух очевидных синонимов в юридическом смысле выглядит неожиданным, учитывая акцент правоведов на однозначности терминов и исключении синонимов из официально-делового стиля. Что касается «сложных языковых конструкций», отягченных излишней терминологизацией, то дело не в них, а в том, что сама по себе длительность данного положения текста чересчур велика; повторяемость не вполне одинаковых номинаций, которые надо внимательно отслеживать, отсутствие привычного соотношения части и целого в тексте (придаточного и главного предложений, перечисления и обобщения; тезиса и примеров к нему) создают психолингвистические причины затрудненного понимания.

Для устранения причин, препятствующих простоте и ясности, автор предлагает квалифицированно урегулировать конкретное общественное отношение, а также сформулировать и словесно оформить такую правовую сентенцию, которая была бы понятна каждому адресату закона. Второе предложение автора звучит несколько идеалистически, хотя именно так должен звучать лозунг, однако отрадно, что автор готов ставить задачи, ориентированные на потребности адресатов законодательных деятельности, имея в виду широкий круг граждан.

На какие языковые особенности как возможную причину непонимания указывает другой автор-юрист, К. М. Левитан [Левитан 2004]? Это использование нечетких неоднозначных терминов, синонимов и архаизмов, неологизмов, просторечия, жаргонизмов, ошибочное употребление отглагольных существительных; громоздкость грамматических конструкций, расплывчатость оценочных формулировок, иные недостатки плана выражения; нарушение логической последовательности изложения, его незавершенность; несовпадения смысла, вложенного автором в норму, с тем смыслом, который вытекает из текста (недостатки плана содержания).

Как можно видеть, в одних случаях правовед предостерегает против использования языковых единиц каких-либо кодов, кроме современного литературного стандарта, частные запреты распространяются на ряд выражений с сокращениями, на оценочные формулировки, на синонимы, а также на не вполне понятное «ошибочное употребление отглагольных существительных». Категория «нечетких неоднозначных терминов» вызывает вопросы с лингвистической точки зрения: термин как специальное значение

слова отличается именно своей однозначностью. Следовательно, «неоднозначный термин» — *contradictio in adiecto* (противоречие в терминах).

Нарушение логики изложения, и тем более, несовпадение смысла нормы со смыслом, реализованным в тексте нормы, представляется лингвистически более серьезным изъяном, чем недостатки формы. Если «смысл, который вытекает из текста», не соответствует содержанию, задуманному автором, то у него не состоялся текст как информационное событие. Его не стоило помещать для публичного рассмотрения, не так ли? Однако это суждение явно отличается от ощущений профессиональной юридической аудитории, которая не шокирована данной ситуацией, что подтверждается ее распространенностью, и спокойно заносит ее в причины непонимания официальных документов.

Приведем набор трудностей из текста Уголовного кодекса, выбранные К. М. Левитаном и приводимые им как примеры «грамматических конструкций с неправильной лексической сочетаемостью»⁵:

- статья 105 УК РФ — *убийство с особой жестокостью*;
- статьи 61 и 107 УК РФ — ...*аморальное поведение, аморальные действия*
- статья 130 УК РФ — *оскорбление — унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме*;
- статья 153 УК РФ — *подмена ребенка, совершенная из... низменных побуждений*;
- статья 213 ч.1 УК РФ — *грубое нарушение... общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу...*

Кроме того, автор указывает на то, что в УК много раз встречаются словосочетания: «существенный вред», «значительный ущерб», «злостное уклонение», требующие специального толкования с опорой на их фактические проявления.

С лингвистической точки зрения понятно, что речь идет о прилагательных с оценочным значением *значимости* (*существенный вред, значительный ущерб*), либо оценочным значением *нарушения социальной нормы* (*неприличная форма, низменные побуждения, аморальные действия* и т. д.). С точки зрения русского литературного языка это часто встречающиеся выразительные фразы

⁵ Подчеркнуты «неправильные», по мнению К. М. Левитана, сочетания.

с традиционной сочетаемостью элементов. В чем состоит их неправильность в приведенных словосочетаниях? Мы понимаем, что значение, ощущаемое как лингвистически точное, в юридическом смысле не обеспечивает содержательной определенности того, что именно подпадает под действие данной юридической нормы, а именно: какая жестокость будет особая, а какая просто жестокость? Какой степени низменности будет побуждение? И т.д. Точность словесного значения неэквивалентна референтному содержанию значения слова, которое, видимо, необходимо знать законодателю при решении вопроса о соответствии термина законодательной норме, но к «неправильности лексической сочетаемости» это отношения не имеет. В каком смысле грамматические конструкции связаны с (неправильной) лексической сочетаемостью, и вовсе остается загадкой.

Не приходится сомневаться, что профессиональному юристу известен тот факт, что употребляемые в нормативных актах слова (напр. «причина», «следствие» и т. д.) в силу «нечеткости естественного языка» отличаются емкостью содержания и универсальностью их приложения, равно как и знание о том, что уточнение референта при пользовании бытовым языком происходит за счет привлечения контекста/ов языковой единицы, а также иных средств контекстуализации. Каким образом и за счет каких лингвистических или иных признаков осуществляется уточнение референтного значения языковой единицы в случае юридической терминологизации, в доступных нам методических материалах не обсуждается. В анализе материалов, приводимых в исследовании Левитана, эксплицитной процедуры терминологизации юридического значения слова или, как минимум, выбор одного из значений бытового слова в качестве юридического термина не приводится. А практический ответ на актуальнейший вопрос о том, как из бытового слова «делается» юридический термин, состоит в прецедентном использовании слова в частном случае, когда содержание термина раскрывается путем обращения к конкретным примерам: что именно в конкретных делах *суд расценил как особую жестокость, а что квалифицировал иначе и т. д.*, создавая, таким образом, багаж прецедентов. Может быть, это и есть единственно надежная, жизненно обоснованная процедура в юридической практике, но обсуждение теоретической модели, т. е. соотнесение лингвистических принципов формирования термина и способов его «юрлингвистического» образования

явно необходимо. Кстати, стоит упомянуть, что количество терминов (терминологических значений слова) в общеупотребительном словаре незначительно, минимально по сравнению с их общим количеством.

К. М. Левитан представляет примеры из Уголовного кодекса с указаниями на нечеткость, многозначность терминов как причину непонимания текстов соответствующих законодательных положений⁶. Автор говорит о случае недостаточного различения терминов *продукция*, *товар*, *изделие*, заставляющих читателя ломать голову над вопросом, какие объекты фактической реальности стоят за этими словами. У читателя возникает вопрос: а на каком, собственно, основании слова *продукция*, *товар*, *изделие* квалифицируются автором в качестве терминов? С лингвистической точки зрения нельзя постулировать, что сам факт использования слова общеупотребительного языка в нормативном документе делает его термином. В данном случае речь идет о синонимических отношениях между словами; их семантические поля частично пересекаются. Предположительно одни и те же референты могут быть названы одним или другим из этих слов — например, трудовой *договор* в ряде нормативных актов называется трудовым *контрактом*. При бытовом пользовании языком эта ситуация, обратная случаю многозначности слова, разрешается на той же основе, т. е. с помощью контекста, сужающего и уточняющего необходимый выбор слов/значения. Однако для правоведов язык правовых актов формирует особую юридическую реальность, где референты терминов не соответствуют референтам соответствующих слов в общеупотребительной лексике. Например, юристы вкладывают специальное правовое содержание в слово *грабёж* (открытое хищение чужого имущества, если и связанное с применением насилия, то неопасного для жизни и здоровья, в отличие от *кражи* и *разбоя*), тогда как в обыденном языке *грабёж* может пониматься как завладение чужим имуществом с применением даже опасного для жизни насилия. В лингвистике в данном случае речь идет о синонимических отношениях между словами; их семантические поля частично пересекаются. Создается впечатление, что претензии к многозначности слов и их синонимичности — штатная юридическая коллизия, которая

⁶ Понятие неоднозначного, тем более многозначного термина — это *contradictio in adiecto*, внутреннее противоречие.

не разрешается иначе, кроме как «в данном случае», т. е. ситуативно, оставляя общезыковой семиотический аспект данной коллизии не только не проясненным, но даже не сформулированным в качестве проблемы.

К. М. Левитан приводит также следующие примеры: слова «доход» (с двумя явно разными значениями), «преступное сообщество», «организация» (при двух значениях: группа людей с общими интересами и организация как юридическое лицо), которые отличает неопределенность или неоднозначность в качестве терминов. Но с лингвистической точки зрения слово *доход* в общем употреблении — не термин, и потому его многозначность не удивительна, как и многозначность слова *организация*. А на вопрос о том, какое из значений слова *организация* является терминологическим, профессионал отвечает — оба. В таком случае речь идет о двух разных словах со своими значениями, при одинаковой форме, аналогично словам *ключ* (для двери) и *ключ* (источник воды). Это же соображение относится к слову / термину *доход* и к двум значениям слова *угон*: с подразумеваемым хищением и без оногo. В качестве опознаваемого термина существует слово с одним значением или два одинаковых по форме юридических термина со своими значениями. Лингвистически это можно обозначить как случай омонимии.

Наконец, сложно понять высказанное К. М. Левитаном утверждение, что «главным препятствием адекватному пониманию текста уголовного закона является его неясность, т. е. недостаточная определенность смыслового содержания уголовно-правовых норм и неточность выражения этого содержания» [Левитан 2004: 51]. Для лингвиста разница между несовершенством формы и несовершенством смыслового содержания велика; юристы решают эту проблему иначе, чем лингвисты: каждое слово в Уголовном кодексе трактуется казуально — в конкретных случаях, из которых постепенно вырастает «практика», уточняющая, в каких случаях можно говорить о применении соответствующих норм.

Итак, рассмотрение аналитической части юридического материала показывает, что главной заботой профессиональных юристов является качество законодательного текста, в котором центральным моментом является юридическая терминология, отражающая суть и содержание (предмета и процедур) юридической деятельности. Удачная терминология определяется качеством языковой формы для выражения этого содержания. Содержательный

и формальные аспекты юридической действительности стоят, так сказать, гораздо ближе друг к другу в этой ситуации, чем это представляется лингвисту с лингвистической логикой в вопросах формы и содержания. Недаром сведение юристами в один блок вопросов неясности, непродуманности содержательных категорий с критикой словаря, используемого для их описания, свойственно не только авторам, чьи работы рассматриваются в этой статье, но и многим другим. Осмысление этих отличий представляет собой отдельную задачу теоретического уровня, а изучение и обобщение удачных практик ее разрешения в правоприменении важно для понимания специфики юридического референтного значения в отличие от обычного языкового узуса. Например, можно облегчить отделение юридических терминов от слов общей семантики за счет использования латинских (или как-то иначе маркированных) слов и выражений, чтобы для пользователей не возникало иллюзии понятности слов общего значения, которые использованы как юридические термины.

С лингвистической точки зрения «претензии» к словарю естественного языка за многозначность слова, существование синонимии, нечеткость границ семантического поля, «размытость» оценочного значения и отсутствие предсказуемой соотнесенности словесного значения с референтами экстралингвистической реальности, на которые это значение «распространяется», свидетельствуют лишь о кардинальных отличиях между теми принципами, по которым отображается действительность в системе естественного языка, и теми, которые свойственны юридическому языку. При этом юридический язык связан с общечеловеческим своим происхождением и зависимостью от типа языкового мышления, включая использование языковых единиц. Пока что терминологизация юридических понятий осуществляется через практический механизм прецедентных случаев, вне теоретического осмысления данной семиотической ситуации.

Для пользователя юридическая проблематика упирается, прежде всего, в задачу опознания термина (в отличие от единицы общего словаря), которая для терминосистем других наук решается за счет характерных формальных признаков, например латинского происхождения терминов, заимствований из иностранных языков, грамматического оформления (напр., *стандартизация*, *поляризация*, *экспроприация*) и т. д. Что касается понимания термина при

отсутствии юридической компетенции, то эта задача принципиально неразрешима, что следует из работ по когнитивной лингвистике. Мы обратимся к ним в ходе анализа данных социолингвистического исследования.

2. Задачи социолингвистического исследования законодательных документов

Проблематика настоящего социолингвистического исследования также связана с идентификацией трудностей восприятия и понимания официальных текстов. Различие состоит только в том, что социолингвистический подход к проблеме **обращен к ее** эмпирическому изучению, т. е. его целью является выяснить, как на самом деле обстоят дела с пониманием, а не каким оно должно быть. Тот факт, что большинство россиян не имеет опыта оформления своих отношений с гражданскими институтами посредством официальных документов и, соответственно, не имеет привычки к чтению сложных текстов, принятию решения по ним и их подписанию, хорошо известен живущим в нашей стране.

Общая постановка задачи предполагает исследование восприятия и понимания официальных документов гражданами РФ разного социального положения и уровня образования, с разным жизненным и профессиональным опытом чтения текстов официальных документов.

Для разработки проблемы было выделено два объекта исследования:

- 1) восприятие и понимание официальных текстов гражданами РФ на материале локальных нормативных и ненормативных актов учреждений здравоохранения, образования и культуры,
- 2) лингвистическая характеристика исследуемых текстов с точки зрения языковых трудностей, испытываемых респондентами.

Таким образом данные субъективной оценки трудностей текстов «глазами читателя» затем пройдут объективный анализ в структурно-лингвистических, психолингвистических и когнитивных терминах.

Планирование исследования связано с общедоступностью официальных документов: тексты взяты с соответствующих открытых официальных сайтов; в исследование было отобрано три текста социальной тематики: о медицине, образовании и культуре:

— Информированное согласие на проведение эндодонтического лечения

— Правила для посетителей *** музея-заповедника

— Правила приема в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный *** университет» в 2016 году (Общие положения).

В связи с тем, что в рамках настоящей статьи задача исследования формулируется более узко чем задача проекта в целом, в ней представлен материал опроса по двум, а не трем текстам (а именно, по «Информированному согласию...», «Правилам приема ... в университет»). Текст «Правил для посетителей *** музея-заповедника» не был оценен респондентами как имеющий «значительные трудности»; несмотря на наличие в нем нескольких лексем, которые могли быть незнакомы части читавших, затруднений в понимании текста в целом, по мнению респондентов, не было.

3. Методология исследования в целом и на данном этапе

Состав респондентов в количестве 260 человек еще требует доработки некоторого количества участников с целью выравнивания социальной сбалансированности выборки. В связи с этим обстоятельством результаты текущего этапа исследования представлены на ограниченных выборках (по 20 человек) из полного набора групп респондентов.

В исследовании задействованы штатные социопараметры возраста, гендерной принадлежности, уровня образования респондентов, а также дополнительные параметры типа занятости респондентов в последние 5–10 лет и опыта работы с официальными документами, актуальные для задач нашего исследования. Группы респондентов для сопоставления компетенции в чтении документов формируются следующим образом: по трем возрастным срезам (*молодые* до 25–27 лет, *взрослые* до 55ж/60м лет, *пожилые/возрастные* — после 55/60 лет); по гендерной принадлежности — *мужчины* и *женщины*; по уровню образования: *с общим средним, средне-специальным, высшим (техническим и гуманитарным), а также ВО плюс* (т. е. с научной степенью); по видам занятости в последние 5–10 лет (ради информации об актуальных рабочих навыках респондента) и опыта работы с официальными документами с градацией от *значительного* через *небольшой* к *без опыта*.

Методологический формат исследования, представляющий собой социолингвистический опрос с использованием методик сплошного анкетирования и выборочного интервьюирования, представлен в работе данными анкет и интервью с сопоставлением результатов опроса на ограниченных выборках респондентов в группах, противопоставленных для выяснения актуальных на данный момент задач исследования. В частности, при анализе документа «Правила приема в ...» понадобилось ввести параметр дополнительного разграничения между «сильным составом» респондентов, и респондентами с таким же типом и уровнем образования, но без параметра большого объема работы с официальными документами, который характерен для постоянной занятости «сильного состава». Не в каждом индивидуальном, но в общем случае это обстоятельство определяет компетенцию этого состава в чтении документов как качественно иную, на основе иной установки и с применением более экономных стратегий, нежели у групп с таким же уровнем образования и навыками интеллектуальной работы со сложными текстами, полученными, однако, не на материале официальных текстов. Итак, речь идет о следующих группах:

1. «Сильный состав/контингент», состоящий из высокообразованных конструкторов, инженеров, иногда со степенью, среди которых могут встретиться и менеджеры — *со значительным опытом чтения официальных текстов / небольшим опытом* или (редко) *без такого опыта*. Для этого контингента мы иногда используем короткое указание «профи», поскольку эти люди, действительно, наиболее близки к профессиональному уровню работы с официальными документами;

2. Высокообразованные специалисты из разных научных областей, с высшим техническим образованием, по занятости — *математики, физики, программисты, бизнесмены* и т. д.; *со значительным/ небольшим/ без опыта чтения соответствующих текстов;*

3. Гуманитарии с высшим образованием, имеющие навыки чтения сложных текстов, но другого типа, чем официальные, по роду деятельности — *преподаватели, переводчики, банковские работники* / *со значительным опытом / с небольшим опытом / без опыта;*

4. Респонденты со среднеспециальным уровнем образования гуманитарной направленности / с навыками чтения сложных текстов, по роду деятельности — *реставратор картин, воспитательница в детсаду; учительница, паспортистка* и т. д. / *со значительным опытом (единичные случаи) / с небольшим или без опыта;*

4а). Респонденты со среднеспециальным образованием практической направленности, с некоторыми или полным отсутствием навыков чтения сложных текстов, по типу занятости — *сварщик, строитель, продавец, контролер ОТК, водитель* и т. д. / *с небольшим опытом* или *без опыта* чтения официальных документов.

Поскольку на данном этапе противопоставление по гендерным и возрастным характеристикам было неактуально (использовались данные возрастного среза «взрослые»), членение на эти группы данным списком не отражено. При каждом цитировании проставляется 3 параметра: уровень образования, актуальная деятельность, опыт работы с официальными документами.

4. Подходы к вычленению трудностей и определению их типов

Материалом лингвистического анализа были языковые единицы, от отдельных слов и предложений небольшого размера до развернутых текстовых отрезков, которые можно считать дискурсивными, отмеченные большинством респондентов как «трудные» или «вызвавшие затруднения».

На отрезке текста, с которым связывается эта трудность, вначале проводится лингвистический анализ на предмет локализации затруднения на структурно-лингвистическом уровне по языковым единицам, относящимся к разным уровням языковой структуры, особенностям синтаксической организации текста или иным признакам лингвистической композиции, которые могут быть причиной затруднений; во вторую очередь производится локализация трудностей с психолингвистических позиций, если затруднения связаны с нарушением в текстах психолингвистических условий восприятия и понимания текста [Залевская 2001], [Сахарный 2006]. Следует указать, что нарушение психолингвистических условий может быть побочным эффектом соблюдения рекомендаций официально-делового стиля речи, обязательного для правовых документов [Мильков и др. 2009]. Третий, прагматический подход к объяснению некоторых неопределенных или неоднозначных положений нормативных актов выводит анализ на уровень закономерностей коммуникативной организации речевых сообщений и их обоснования, теорию речевых актов [Грайс 1985], [Сёрль 1986]. В рассмотрение также включается

подход с позиций когнитивистики и конкретнее, ее частного раздела, когнитивной модели понимания текста при чтении [Ван Дейк и Кинч 1988],

Предлагаемые выше подходы, задействованные в процессах восприятия и понимания речи, применяются как обоснование для объективной квалификации причин затруднений у читающих в процессе восприятия и осмысления текстов.

5. «Информированное согласие на проведение эндодонтического лечения». Выявленные трудности восприятия и понимания

5.1. Языковая трудность № 1. Термины

По прочтении текста «Информированного согласия на проведение эндодонтического лечения» от пациента ожидается принятие решения по поводу предлагаемого лечения — соглашается пациент или нет.

За исключением респондентов сильного состава (см. «возрастные», от 55 / 60, со значительным опытом в чтении официальных текстов и с жизненным опытом, включая медицинский), термин *Эндодонтическое лечение* был охарактеризован респондентами из остальных групп как непонятный, следовательно, требующий разъяснения. Можно предположить, что люди с опытом лечения зубов могут понять его смысл из контекстов употребления, а знакомые с греческим языком смогут «вычислить» значение слова из сопоставления вариантов корня слов (напр., эндогенный-экзогенный), но, отвечая на вопрос в конце анкеты о том, каких положительных результатов они ждут от эндодонтического лечения, некоторые саркастически замечали: «Не знаю, что это такое», еще раз акцентируя свое недовольство отсутствием разъяснения ключевого термина⁷. (Кстати, возможность прояснения значения термина в ходе консультации с лечащим врачом выражена в самом конце текста в виде утверждения, что делает содержание пункта невнятным).

⁷ «Эндодонтия — раздел стоматологии, занимающийся изучением, лечением и предотвращением заболеваний пульпы зубов, а также их осложнений. Основное место в процессе лечения отводится лечению корневого канала» [ТСМ 2013].

Далее, при перечислении возможных осложнений в ходе эндодонтического лечения (с п. 2.7. до п. 2.12) количество незнакомых терминов возрастает: добавляются термины *металлический штифт*⁸, *кальцификация*⁹, *перфорация*¹⁰, и далее, в 2.16, *ортопантомограмма*¹¹.

(2) 2.7. *Возможные осложнения под влиянием анестезии: отек мягких тканей, кровоизлияние в месте укола, снижение внимания, аллергические реакции.*

2.8. *Возможные последствия приема анальгетиков и антибиотиков (в случае их назначения).*

2.9. *Возможные осложнения: — определенный процент неэффективного эндодонтического лечения по причине его медицинской специфики, индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента и состояния его здоровья; — перелечивание корневых каналов зубов через некоторое время или проведение хирургического вмешательства в районе тканей, окружающих зуб, или даже удаление зуба; — поломка инструмента (файла) внутри корневого канала и невозможность его извлечения.*

2.10. *При перелечивании ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, что связано: — с невозможностью (в некоторых случаях) удалить из корневого канала старую пломбу или металлический штифт — с сильной кальцификацией корневых каналов, что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента); — с искривлением корневых каналов.*

2.11. *Возможные осложнения при перелечивании зуба, покрытого коронкой...*

2.12. *После лечения и перелечивания корневых каналов необходимо восстановление верхней части зуба, т. е. постановка пломбы или коронки (по ситуации).*

⁸ Предназначены для пломбирования корневых каналов зубов в сочетании с пломбировочным материалом.

⁹ *Кальцификация* — окостенение, отложение солей кальция в тканях организма.

¹⁰ *Перфорация* — образование отверстия в органе.

¹¹ *Ортопантомограмма* — панорамный снимок зубочелюстной системы, одна из разновидностей диагностической рентгенографии.

Хотя и для этих терминов был бы желателен перевод, негативная реакция респондентов на его отсутствие была значительно слабее, чем в связи с первым термином *эндодонтический*, который респонденты ощущали как более значимый для понимания текста в целом. При этом нет гарантии, что термины общемедицинского характера (*анестезия, отек мягких тканей, аллергические реакции, анальгетики, антибиотики* и т. д.) известны всем пациентам, но поскольку «запроса» на них путем маркирования их как трудностей почти не было, мы считаем приведенный список достаточным.

Из приведенных реакций респондентов можно убедиться в том, что термины осознаются как языковая трудность и респонденты ожидают, что они должны быть разъяснены в официальном документе.

Итак, термин — естественный кандидат на **языковую трудность 1**, наиболее четко опознаваемую в тексте. То, что она осознается, является важным фактором мотивации пациента к выяснению ее содержания. С практической точки зрения определение или толкование термина (в виде сноски или глоссария при документе) позволяет эту задачу решить.

5.2. Языковая трудность № 2.

Стандартный административно-профессиональный текст

В оценке трудностей текста в положениях 2.7–2.12, помимо терминов, отчетливо прозвучало мнение о сложности положений 2.9, 2.10 и 2.16. Эти положения были охарактеризованы как *трудночитаемые, чересчур трудные* для чтения. Какие группы среагировали на эти тексты подобным образом? Так их оценили респонденты со среднеспециальным уровнем образования, непривычные к чтению сложных текстов, анкет, в двух третях (60 %) своих анкет. Это не означает, однако, что сильный контингент не выделил их совсем: респонденты с небольшим и даже со значительным опытом дали треть (35 %) ответов с указанием на пп. 2.9, 2.10 и 2.16 как затруднительные, но при этом они больше акцентировали внимание на терминах (тем более, что в терминах была опечатка: «калицификация»). Пункты 2.9, 2.10, 2.16 оценили как затруднительные также гуманитарии с ВО и люди с ВО техн., занятые в менеджерских, организаторского типа должностях, причем термины они специально не упоминали. По количеству указаний на «сложность» пунктов 2.9, 2.10, 2.16 подсчет показывает треть от общего количества анкет, подобно сильному составу.

Подчеркнем, что помимо этих трех абзацев текст проблемным для респондентов не был: разобраться в тексте в целом и вынести решение о своей готовности или неготовности соглашаться на предложенный курс лечения смогли практически все.

Рассмотрим ближе положения 2.9, 2.10, чтобы понять причину вынесенных оценок. По сравнению со всеми остальными положениями текста эти два длиннее в целом, состоят из большего количества синтагм и большего количества содержательных деталей. Если мы позволим себе упростить зрительное восприятие текста за счет восстановления его организации как списка, каковым он и был исходно, судя по роли в нем тире, читать его станет легче:

(3) 2.9. *Возможные осложнения:*

- *определенный процент неэффективного эндодонтического лечения по причине его медицинской специфики, индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента и состояния его здоровья;*
- *перелечивание корневых каналов зубов через некоторое время проведение хирургического вмешательства в районе тканей, окружающих зуб, или даже удаление зуба;*
- *поломка инструмента (файла) внутри корневого канала и невозможность его извлечения.*

По сравнению с вариантом из 2.7–2.12 (см. выше) здесь возможные осложнения сгруппированы в три высказывания после знака тире (—), облегчая вычленение и, соответственно, интерпретацию фраз. Очевидно, что суммарная длина положения из 53 слов в виде сплошного текста с перечислением медицинских деталей, состоящих из многосложных номинаций, требует концентрации внимания и необходимости напрягать (оперативную) память¹² для удержания этого содержания при его осмыслении. Классическая психолингвистическая формула удобного количества элементов для работы оперативной памяти (7 +/- 2) здесь явно превышена. Многим респондентам пришлось перечитать текст, а некоторым

¹² *Оперативная память.* В структуре памяти выделяется регистр оперативной памяти, который воспринимает и регистрирует биотоки, поступающие от рецепторов чувств. Именно там и хранится информация в течение 5–20 секунд. Роль слухоречевой оперативной памяти очень важна в процессе понимания предметного содержания на уровне значения [Голова 2011].

и дважды. Отметим введение психолингвистических сведений для оценки трудности текста, что полезно при обсуждении восприятия и понимания речи.

Кроме того, создается впечатление, что некоторые отрезки текста, не будучи собственно языковой трудностью, вносят свою долю ощущения «затруднения» за счет содержательного компонента текста: так, например, перспектива прожить оставшиеся годы со сломанным *файлом* внутри *корневого канала* может шокировать впечатлительного пациента. Многие из читавших эмоционально прореагировали на фразы *определенный процент неэффективного эндодонтического лечения, ...индивидуальных особенностей строения корневых каналов зубов у конкретного пациента*, которые были осмыслены как безответственное отношение медицинского персонала к пациенту. Такие замечания респондентов при интервьюировании, как «Что значит *определенный процент неэффективного лечения?! Что себе позволяют!*»; «А какие еще могут быть *особенности строения зубов у пациента*, если не индивидуальные?!»; «Что значит *невозможность его извлечения?!?*» свидетельствуют об интерпретации некоторых формулировок документа как показателе (как минимум, неудовлетворительного) отношения медицинской стороны к пациентам в данных взаимоотношениях. Вопросы об обоснованности возмущения пациентов приведенными формулировками мы не касаемся, поскольку об этом судить медицинским работникам. Но тот факт, что впечатление и от документа, и, весьма вероятно, от медицинского учреждения, обусловлено тем языком, каким документ написан — стоит учесть, в особенности, если оценить способность респондентов к суммированию разных по качеству (формально-языковых, содержательных, оценочных) компонентов высказывания в обобщающем впечатлении от текста. Именно так получилось в случае положений 2.9, 2.10, где некоторые языковые трудности суммировались с негативным восприятием нескольких содержательных моментов и были выведены на уровень (идеологического) обобщения.

В отрывке

- (4) 2.10. При перелечивании ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, что связано: — с невозможностью (в некоторых случаях) удалить из корневого канала старую пломбу или металлический штифт;

- с сильной кальцификацией корневых каналов, что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента);
- с искривлением корневых каналов,

который, как и предыдущий, легче читается списком, но имеет меньшее количество синтагматических единиц и построен более компактно, чем предыдущий, главным элементом «облегчения» восприятия (и понимания) является его экономная, и логически, и содержательно обоснованная синтаксическая организация с использованием оборота *что связано с* для описания причины каждого неудачного действия.

Таким образом, более удачная компоновка текста и его представление списком, при условии объяснения нескольких терминов, сняли бы большую часть напряжения при чтении, хотя опечатка в слове *кальцификация* и пугающие формулировки типа: *При перелечивании ранее запломбированных каналов зуба(ов) успех лечения значительно снижается, ...что в некоторых случаях повышает вероятность возникновения различных осложнений (перфорация, поломка инструмента)*, — добавили бы, согласно наблюдавшемуся ранее эффекту «суммирования» впечатлений, свою ложку дегтя в данную ситуацию. Языковое затруднение второго типа, за вычетом указанных оплошностей, становится в ряд обычных для официальных / административных профессиональных текстов. Недаром к тексту этого документа, помимо описанных положений, претензий языкового характера больше не было.

6. Правила приема в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный * университет» в 2016 году. (Общие положения). Выявленные трудности восприятия и понимания**

6.1. Языковая трудность № 3. «Грамотный юридический текст»

Материал для рассмотрения следующего типа трудности, текст «Правил приема...», вызвал желание поделиться своими впечатлениями у всех групп респондентов: от самого сильного состава

со значительным опытом до самых неопытных с общим средним образованием. Кроме пары молодых людей, написавших «Документ ясен» (военный с ВО техн., 31 год) и «Впечатление от языка: удобен и понятен (ВО техн., инженер, 25 лет), все остальные были гораздо эмоциональнее и критичнее в оценках.

Самый частотный ответ в анкете на вопрос о впечатлении от текста: «Язык/текст крайне неудобен для восприятия». Более развернутые ответы приводятся в следующих цитатах:

Ужасный «птичий язык», сквозь который довольно сложно продаться к смыслу (артист хора, срспец, неб. опыт)

Этот бред кто-нибудь читает? (водитель, срспец, без опыта)

Не очень понятен. Нужен более доступный язык (кастелянша, срспец, без опыта)

Крайне неудобен для восприятия. <...> Язык, имитирующий научность, затемняющий смысл (инженер, сильный состав, неб. опыт)

Ужасно громоздкий текст, но понятный (инженер, сильный состав, значит. опыт)

Скучно, казенно, тяжело для восприятия; как будто понятен (инженер, сильный состав, неб. опыт).

Надо изложить проще, лаконичней.... Документ многословен, забюрократизирован (инженер, сильный состав, без опыта)

Понятен при втором-третьем прочтении. Удобным для чтения этот текст назвать невозможно (преподаватель, ВО гуманитар., с большим опытом чтения сложных литературных, но не официальных текстов).

*«Правила поступления в «***» читаются нормально. Для каждой целевой аудитории есть свои термины и положения. Живой человек написать такой текст не может (бизнесмен, ВО техн., значит. опыт).*

Первые три отзыва от респондентов со ср-спец. уровнем образования свидетельствуют о больших затруднениях при чтении текста. Непривычно труден он также оказался для гуманитария с ВО (предпоследний отзыв). «Понятно», свидетельствуют

респонденты из сильного состава, указывая при этом на громоздкость текста и на то, что он тяжел для восприятия. Два последних впечатления пришли от людей, привыкших читать свои сложные специальные тексты, но воспринимающие официальные тексты с трудом. Бизнесмен подчеркивает свое ощущение ненатуральности официального языка. Отметим, что все респонденты подчеркивают некомфортность восприятия текста: *тяжел, неудобен, громоздок*. Некоторые респонденты указывают, как нужно писать такие тексты: *нужно изложить текст проще, лаконичней*.

Вторым признаком существенного отличия данного текста от медицинского в процессе чтения является значительное количество отказов, т. е. прочерков в ответах на некоторые вопросы анкеты, либо полных отказов: примерно 15% респондентов из ограниченной выборки в 20 человек совсем отказались отвечать на анкету для текста об образовании, причем трое из них из сильного контингента, что, скорее, указывает на их позицию, чем на недостаточность компетенции. В остальных группах отказы выполнять анкету в целом представлены в таком же соотношении (3:20 человек). Вторую разновидность неотвеченных вопросов составил блок положений 9, 10, 11 из текста «Правил...», который будет проанализирован позже.

Судя по реакциям на текст «Правил приема...», он значительно труднее предыдущего текста, причем именно на этапе восприятия, столь выразительно описанном респондентами. Попробуем разобраться в этой ситуации, прочтя вслед за респондентами несколько положений текста.

- (5) *1. Настоящие Правила приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры (далее — Правила) регламентирует прием граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — поступающие) на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата и программам специалитета (далее соответственно — программы бакалавриата, программы специалитета), на обучение по образовательным программам высшего образования — программам магистратуры (далее — программы магистратуры) в *** Университет.*

В начале текста находится формула типового содержания «по образовательным программам высшего образования», не вполне однозначная для читающего, который моментально задается вопросом о том, какие еще могут быть программы высшего образования, если не образовательные? Сомнение в верности пресуппозиции есть результат повторения слов с одинаковым значением для выражения одного понятия, хотя, в принципе, не исключено, что помимо образовательных, могут быть и иные программы. Естественная коммуникативная реакция в случае полного повторения высказывания — заподозрить специальную цель для этого действия, т. е. иной (коммуникативный) смысл¹³.

Неизменность номинаций при повторении, рекомендуемая официально-деловым стилем ради точности и однозначности семантики используемых понятий, реализуется в данном тексте как дублирование номинаций из четырех слов (*по образовательным программам высшего образования*) до клише из 11 слов (*программам бакалавриата и программам специалитета* (далее соответственно — *программы бакалавриата, программы специалитета*). Этот прием работает для читателя как осложняющий фактор при извлечении информации из грамматически монотонного текста, в котором почти все существительные следуют в родительном падеже. По отзывам, слова *бакалавриат, специалитет, магистратура*, легко опознаваемые в первом абзаце, вынуждают часть респондентов перечитывать текст при их повторениях. По субъективной оценке, респондентам приходилось «пробиваться через повторения». Ср. также:

Перегружен ... Тяжело читать, но я привыкла продираться через такое. Предложения громоздкие. К концу успеваешь забыть, что было в начале, приходится возвращаться и перечитывать (переводчик, ВО гум., неб. опыт).

Зафиксируем, что в положении 1 не было незнакомых терминов, и содержание его было понятно, но его размещение в одном предложении, заполненном повторениями, создало затруднение на этапе восприятия и, отчасти, осмысления.

Положение 3 представляет собой развернутый вариант текста по сравнению с предыдущим:

¹³ Ср. бытовые тавтологии: «Есть учителя и **учителя!**» где второе слово, сказанное выразительно, вкладывает иное, по сравнению с первым, значение в слово.

(6) 3. *Поступающий представляет документ, удостоверяющий образование соответствующего уровня:*

— *документ об образовании или об образовании и о квалификации образца, установленного федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, или федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, или федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры...*

При чтении этого положения невозможно не задаться вопросом о том, с какой целью информация о статусе и функциях органа, установившего образец документа об образовании, сообщается поступающему в вуз. Вряд ли она ему нужна или интересна. В тексте, где трижды повторяются сведения о некоем федеральном органе (описанном типовым видом значения), который устанавливает образец документа об образовании, необходимый поступающему для представления, основная часть сообщения — об образце документа, к которому поступающий вряд ли имеет какое-либо отношение, и об органе, который его устанавливает, к которому поступающий имеет еще меньшее отношение, не говоря уж о том, что он вряд ли сможет идентифицировать этот орган по предложенному типу описания, заложено несоответствие между потребностями абитуриента и информационным содержанием положения. В терминах принципов кооперации по Г. Грайсу данный текст не удовлетворяет максиме релевантности как информационной основе коммуникативного взаимодействия.

Что касается языковой формы текста, то следует подчеркнуть, что трехкратное воспроизведение шаблона об образце документа в трех социальных областях государственного управления делает текст почти в три раза объемнее за счет полного повторения тематической части высказывания при трех словах рематической части — *образования, здравоохранения, культуры*. Тематическая часть высказывания во фразе *федеральным органом...* и далее, после ее

первого появления состоящая из 13 слов текста или 15, если учесть повторение рематической части *в сфере...*, связанной с лексемами *образование, здравоохранение, культура*, составляет тема-рематическое соотношение 15:1. При том, что рема сообщения обычно меньше темы, такое соотношение создает чересчур непривычный вариант, при котором рема как бы теряется, незаметна в самом окончании фразы. В устном варианте текста выделить рему было бы естественно за счет просодики, а при чтении удерживать в оперативной памяти последовательность из 15 слов, ожидая 16-го, сложно, поэтому приходится повторять этот путь, нарушая привычный механизм «собрания смысла» в течение первой попытки.

Помимо длительности шаблонированных последовательностей затруднения порождаются отсутствием признаков выделенности смыслового ориентира¹⁴ во фразе, вынесенного в абсолютно конечную позицию в длинной синтагме. Укажем также на словосочетания с типовым характером значения лексических единиц: *федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке...*, проблемных для семантизации неспециалистом и потому создающим еще один элемент затруднения.

Следует особо подчеркнуть, что текст этого положения представляет собой пример грамотного законодательного текста, составленного по рекомендациям официально-делового стиля, обязательного для составления правовых документов. Создается впечатление, что восприятие такого типа текста, если мы говорим о рядовых пользователях официальных документов, вступает в противоречие с привычками и механизмами восприятия и осмысления дискурса, сформированными, в массовом порядке, как можно предположить, на основе устной речи.

Попробуйте разобраться с первого прочтения в содержании следующего положения:

(7) *В рамках контрольных цифр выделяются:*

— *квота приема на обучение по программам бакалавриата, программам специалитета за счет бюджетных ассигнований детей-инвалидов, инвалидов I и II групп, инвалидов с детства, инвалидов вследствие военной травмы или заболева-*

¹⁴ Смысловые вехи, ключевые слова [Сиротко-Сибирский 2006: 63–68]; [Барина 2006: 68–73].

ния, полученных в период прохождения военной службы, которым согласно заключению федерального учреждения медикосоциальной экспертизы не противопоказано обучение в соответствующих образовательных организациях, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее — особая квота).

Чтение текста подряд может привести к маловероятной картине платежа за счет бюджетных ассигнований детей-инвалидов, инвалидов I и II..., что заставляет вернуться к началу и перечитать его «про себя» с нужной интонацией, выделяя паузой или высотой тона словосочетание *детей-инвалидов* в качестве объекта. Для неопытного читателя неочевидна также семантика словосочетания «из числа» во фразе *а также лиц из числа детей-сирот...* в конце текста.

Этот отрывок — частный случай недостаточности дейктических средств, а также специфичности служебных слов, используемых в текстах официально-делового стиля, не говоря уже о несоответствующей длине всего предложения.

Небольшой, сравнительно простой по языку текст может оказаться непонятным с точки зрения общего смысла высказывания:

- (8) *2. Университет объявляет прием на обучение по программам бакалавриата / программам специалитета / программам магистратуры (далее соответственно — прием на обучение, образовательные программы) при наличии лицензии на осуществление образовательной деятельности по соответствующим образовательным программам.*

Если вчитаться в реплики молодых респондентов, которыми они обменивались при интервьюировании по содержанию данного положения:

- *т. е. у них есть лицензия, да?*
- *Нет, это вообще... так положено.*
- *Я и не сомневалась.*
- *А можно без?!*
- *Ну... это как бы... не наша забота...*

— становится ясно, что читатель, понимая все слова текста по отдельности и текст в целом, не может понять коммуникативную цель

текста: «меня хотят заверить в наличии лицензии у данного университета?» (*т. е. у них есть лицензия, да?*) или констатировать, что для приема студентов на обучение необходима лицензия (*нет, это вообще... так положено*). В терминах речевых актов мы имеем в первой строке речевой акт «заверения» или «убеждения», а во второй — речевой акт «констатации», т. е. информирования о наличии в вузе лицензии. Однако зерно сомнения брошено: (*А можно без?!*) Разве университет может работать без лицензии? В пресуппозиции респонденты исходят из обязательности наличия лицензии у вуза, но сам факт «озвучивания» этого положения в ходе коммуникации указывает на возможный дополнительный или иной смысл этой фразы. Этот поворот мысли выливается в создание «ложной пресуппозиции» (*А можно без?!*), после чего собеседники договариваются о том, что эта информация для них по сути неважна. Впечатление от неопределенности смысла текста у читающих, да и у интервьюера, остается странное.

Представляется, что неоднозначность данного текста обусловлена для читающих не различиями в трактовке фактической ситуации авторами и читателями, а формой отображения реальности в стилистике письменных текстов юридического типа и в (устном) общении молодых людей. По мнению одного из наших наиболее опытных респондентов, этот текст адресован администрации университета. Понятно, что целевые аудитории абитуриентов и администраторов предполагают разные типы документов. Нерелевантность данного сообщения для молодых читателей совпадает с нарушением одного из принципов кооперации по Грайсу, лежащих в основе межличностной коммуникации, однако в рамках юридического взаимодействия такая ситуация является штатной: «содержательность» в административном смысле предполагает обязательное указание на типовое название управленческого органа, в то время как читающие предпочли бы его конкретное (референтное) название; а в положении 2 содержательным пунктом будет указание на необходимость лицензии для осуществления вузом приема на обучение. Как пишет А. В. Богатырев, «...информативность для юридического текста является критерием факультативным» [Богатырев 2015]. Информация, не являющаяся новой, указывает автор, в юридических текстах встречается достаточно часто — в силу регламента, юридической этики, в качестве аргумента. Фактически А. В. Богатырев констатирует принципиальное

несходство юридической и обычной коммуникации, которая ориентирована на информативность сообщения как основу речевого взаимодействия между людьми. Однако с юридической стороны, как подчеркивает С.А. Белов, адресатами данного документа должны выступать именно абитуриенты: для того чтобы документ гарантировал их право знать, на каких условиях они могут поступать в вуз. Для этого закон требует размещения правил поступления на сайте вуза. Права и обязанности поступающих регламентированы данным документом, поэтому с точки зрения и правового содержания, и здравого смысла адресат этого документа — поступающие в вуз, а затруднения при понимании текста фактически нарушают их права на получение полной информации об их возможностях и обязанностях при поступлении.

Для текста «Правил приема...» характерны свои особенности языковой формы и свои отношения с содержательной стороной. Несмотря на отсутствие незнакомых терминов, а также опечаток или иных оплошностей, этот текст является источником более серьезного уровня трудностей для восприятия и понимания, следовательно, является гораздо более требовательным к языковой компетенции респондентов, чем медицинский. К особенностям текста, построенного по рекомендациям и требованиям официально-делового стиля, с точки зрения рядовых читателей относятся:

— непривычный уровень повторяемости слов и словосочетаний, корней слов, развернутых наименований;

— непривычное превышение длительности единиц синтагматического членения текста, которые значительно превосходят психолингвистически комфортную нагрузку на оперативную память (вместо (7 +/- 2) были последовательности из 11, 13, 15 единиц);

— недостаточно выраженные признаки членения синтаксических структур для вычленения деталей синтагматического смысла (смысловых вех) и недостаток дейктических средств в целом; — специфичность служебных слов (предлогов);

— использование лексических единиц типового значения, малодоступных массовому пользователю (*федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере...*).

Описанные характеристики языковой формы отрицательным образом влияют на процесс «собираания смысла» текста по ходу

чтения. К необычным эффектам относятся также особенности прагматической, коммуникативной организации текста, без определенного адресата и цели сообщения.

В ситуации с неопытными читателями мы фактически имеем дело со «сбоем» в процессе понимания, который происходит оттого, что установки и привычки восприятия и интерпретации речи осуществляются у неопытных пользователей в том виде, в каком они предположительно сформировались при пользовании устной речью, в то время как тексты официально-делового типа требуют иной компетенции.

Таковой обладают наиболее компетентные специалисты из «сильного состава» респондентов, со значительным опытом работы с официальными документами и пониманием проблематики данной области. Вот как выглядит взвешенная позиция в оценке языка данного документа специалистом очень высокого уровня: *Формат документа и стиль изложения мне понятен. Читается «тяжело», но это объяснимо правовым (юридическим) характером документа.* Отметим подчеркнутую автором специфику «характера документа». Более выразительный, но резкий вариант подчеркивания специфики юридического текста предложен другим респондентом из сильного состава: *Это документ. И он не обсуждается.* Судя по форме выражения и учитывая ситуацию, в которой делается такое заявление, мы имеем дело с установкой, на уровне идеологии призывающей нас не совмещать обычные способы оценки и осмысления сообщений с интерпретацией официальных документов, а адресоваться к ним как разным объектам. Видимо, полностью сформированная компетенция пользователя официальных текстов — это не просто добавление языкового опыта текстов определенного типа к общенаучной или профессиональной компетенции, но также конструирование позиции по отношению к официальному языку как особому объекту, требующему особых приемов и стратегий работы с ним. Подчеркнем качественно иной вид компетенции для «грамотного юридического текста» по сравнению с вариантом компетенции для текстов «административно-профессионального» уровня.

6.2. Языковая трудность № 4. Интерпретация юридического термина, образованного от основы общеупотребительного слова

На фоне весьма убедительного уровня компетенции респондентов сильного состава, с профессиональным отношением к делу,

представляется почти загадочной ситуация со следующим типом трудности, которая оказалась неподвластной даже им.

Как уже было упомянуто, положения 9, 10, 11 из текста анкеты 3 получили прочерки в ответах респондентов не только слабого, но и сильного состава. Впрочем, попытки сформулировать ответы по текстам 9 и 10 характерны для части респондентов в каждой группе (с тенденцией к снижению в категории рабочих профессий), при превалировании отказов и полном отсутствии приемлемых ответов на задание анкеты 11.

Таблица 1. Данные¹⁵ о полных отказах, частичных прочерках и приемлемых ответах на вопросы анкеты «Правила приема ...» к пп. 9–11

Table 1. Data on total refusals, partial omissions and acceptable answers to Provisions 9, 10, 11 of the “General Admission Rules ...” text.

	Полный отказ от анкеты	Прочерки 9–10–11	Приемлемые версии		
			9	10	11
«Профи» со значит. опытом	2 чел.	4 чел.	4 ответа	1 ответ	---
с небольшим опытом	1 чел.	6 чел.	3 ответа	1 ответ	---
ВО техн.	1 чел.	6 чел.	1 ответ	2 ответа	---
ВО гуманит.	2 чел.	4 чел.	2 ответа	1 ответ	---
ср-спец. гуманит.	2 чел.	2 чел.	2 ответа		---
ср-спец. разные профессии		8 чел.	2 ответа		---
ср-спец. рабоч. профессии	1 чел.	3 чел.			

В сравнении с речевым поведением респондентов по заполнению анкеты «Информированного согласия» обнаруживается, что прочерк, который в медицинском документе мог случиться в качестве эмоциональной реакции на отдельный вопрос (у одного-двух респондентов на 20 чел), картины последовательного отказа, как это складывается с текстом об образовании, не возникает. Вот как выглядят данные по заполнению двух анкет у одного респондента:

¹⁵ Незаполненные клеточки в таблице означают отсутствие действия, указанного в столбце. Прочерки в последнем столбце означают намеренный отказ участников давать какой-либо ответ.

— водитель, 46 лет, со ср-спец. уровнем образования ответил на все вопросы медицинской анкеты, хотя не всегда правильно; а в анкете об образовании он ответил (правильно, кстати) на два вопроса о Крыме, в вопросах 2, 3, 4, 5 написал «не знаю», и в проверяемом блоке 9–11 дал приемлемую версию на вопрос 9, не ответив на 10 и 11;

— продавец, 46 лет, со срспец. образованием, ответила на все вопросы медицинской анкеты (из них два раза неверно) и дала три ответа в анкете 3, при отсутствии ответов на все остальные вопросы, включая блок 9–11;

— инженер, 50 лет, с ВО техн., из сильного состава, без опыта, ответил на все вопросы медицинской анкеты, указав на неизвестный термин «эндодонтический», а в блоке 9–11 второй анкеты написал «не поддается описанию»;

— главный инженер, 76 лет, с ВО техн, без опыта, заполнил всю медицинскую анкету, указав на неизвестные термины из 2.9, 2.16, но с блоком 9–11 не справился. И так далее...

Стабильно «непробиваемый» блок трудностей в анкете о правилах приема в вуз приходится на три положения в самом конце анкеты, по содержанию связанные с этапами поступления.

Рассмотрим эти три положения из текста «Правил...», из которых два (9-е и 10-е) можно считать номинациями фразеологического типа, которые оказались чрезвычайно затруднительными для понимания при совмещении названий с соответствующими им текстами.

Условия поступления

(9) 9. *** *Университет проводит прием по следующим условиям поступления на обучение (далее — условия поступления):*

1) *раздельно для обучения в головном вузе и для обучения в каждом из филиалов;*

2) *раздельно по очной, очно-заочной (вечерней), заочной формам обучения;*

3) *раздельно по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры в зависимости от их направленности (профиля) в соответствии с правилами, указанными в пункте II раздела I.1 Правил;*

4) *раздельно в рамках контрольных цифр и по договорам об оказании платных образовательных услуг.*

Вопрос анкеты «Как Вы понимаете здесь выражение “условия поступления”» был нацелен на толкование текста в ответах, экспликацию версии понимания текста респондентом. Учитывая вероятность, что носитель русского языка истолкует этого словосочетания в значении «демонстрация умений, своего рода барьер, который предстоит преодолеть молодому человеку или девушке, чтобы поступить в вуз», можно предположить, что перечисление разнообразных опций для поступающих, заложенных в текст положения, не слишком хорошо согласуется с общеупотребительным значением словосочетания «условия поступления». С другой стороны, очевидно, что именно этот набор различных аспектов обучения представляется авторам данного текста «условиями поступления». Можно констатировать некий конфликт с языковой компетенцией носителя языка.

Основания приема

- (10) *10. По каждой совокупности условий поступления университет проводит отдельный конкурс. В рамках контрольных цифр проводится отдельный конкурс по каждой совокупности условий поступления и каждому из следующих оснований приема на обучение (далее — основания приема):*
- *на места в пределах особой квоты (только по программам бакалавриата);*
 - *на места в пределах целевой квоты;*
 - *на места в рамках контрольных цифр за вычетом особой квоты и целевой квоты (далее основные места в рамках контрольных цифр).*

Ответом на вопрос о том, что входит в понятие «основание приема», является четкое обозначение в тексте трех объектов, в рамках контрольных цифр, входящих в понятие «основание приема». Но почему-то их извлекли единицы из групп читавших (ср. данные по приемлемым версиям в таблице). Подавляющее большинство ответов составили отказы или неверные версии.

Способы приема (на обучение)

- (11) *11. Прием на обучение в зависимости от направленности (профиля) образовательных программ (подпункт 3 пункта 9 раздела 1.1 Правил) проводится различными способами:*
- *по программам бакалавриата по направлению подготовки*

- в целом, по программам специалитета по каждой специальности в целом;*
- *по программе бакалавриата в пределах направления подготовки, по каждой программе магистратуры в пределах направления подготовки;*
 - *по совокупности программ бакалавриата в пределах направления подготовки, по совокупности программ магистратуры в пределах направления подготовки.*

При задании описать содержание этого положения своими словами количество отказов было рекордным. Из считанных предлагавшихся вариантов не было ни одного ответа, который отвечал бы заложенному в авторский текст содержанию. Объяснение этого неожиданного эффекта с текстами, не содержащими незнакомой лексики и не обладающими слишком сложной синтаксической организацией, состоит в том, что мы имеем здесь дело с принципиально иным типом семиотической ситуации (связи формы с содержанием), чем это было для трудностей 1, 2, 3. Предложенные респондентами версии осмысления текстов положений могли быть логичны, разумны в своем роде, но не соотносились с текстом положения. Для выяснения столь чрезвычайной ситуации, когда респонденты высокого уровня владения специальным языковым кодом испытывали трудности с пониманием текстов на нем, потребовалось обращение к специалистам, занятым в создании документа.

Как выяснилось из консультации с административными работниками подразделения, имеющего прямое отношение к обсуждаемому документу, положения текста 9–11 отражают новую систему организации вступительных испытаний в определенных подразделениях университета, со сменой прежней единицы поступления с *программы* на *направление*, по новой системе. В каждом университете все программы по-разному объединены в группы одного направления или группы направлений, что составляет содержание п. 11. Пункт «по программе бакалавриата в пределах направления подготовки» следует понимать как «набор на программы идет отдельно», что означает возможность разных конкурсов на программы внутри одного направления, в то время как пункт «по программам бакалавриата по направлению подготовки в целом» означает набор на все программы внутри направления сразу при одном конкурсе для всех. Пункт «по совокупности программ» позволяет

форматировать и гибко менять состав групп из небольшого количества поступающих на редкие специальности.

Из разъяснения, полученного от профессионалов, следует, что ни поступающие, ни их родители, а также любые другие участники ситуации поступления, не имея (на данный момент) адекватного представления об организации системы поступления и ее административном содержании, не могут понимать содержание п. 11 текста, почти не могут — п. 10 и могут принять интерпретацию названия п. 9 по предложенному тексту. В полном соответствии с когнитивной моделью понимания текста при чтении [Ван Дейк, Кинч 1988] этот процесс необходимым образом включает, в числе целого ряда признаков, используемых для интерпретации текстовой информации, знание или представление о фактической ситуации явления или процесса, описываемого в тексте. Учитывая отсутствие каких-либо знаний или представлений поступающих (и их родителей) о *новой* системе организации процесса поступления, неудивительно, что понимание текста ими и респондентами как участниками исследования оказалось недостижимым.

Следует добавить, что в рамках анализа языковых трудностей значение словосочетаний *по направлению (подготовки) в целом, по (каждой специальности) в целом, а также в пределах направления подготовки, видимо*, следует считать терминологическим, со специфически «административным» содержанием данных словосочетаний, семантически не связанных со своими общеупотребительными аналогами. Таким же образом, видимо, следует интерпретировать и названия самих положений «условия поступления», «основания приема» и «способы приема на обучение» как терминологические единицы в рамках данного текста, отражающего организацию и идеологию процесса поступления в данном вузе. Все три положения, и в особенности п. 11, относятся к наиболее сложному случаю интерпретации юридического термина, не имеющего общей семантики со своим общеупотребительным аналогом.

7. Предварительная типология трудностей

Данные предварительного этапа исследования «трудностей», обозначенных читателями официальных документов, и их анализ в терминах лингвистики и сопряженных с нею психо- и когнитивной лингвистики, связанных с процессами порождения, восприятия

и понимания речи, можно суммировать как четыре типа затруднений разного уровня и характера, с которыми сталкиваются люди, когда им нужно прочесть и понять официальный текст.

Трудность № 1. Термины, достаточно легко опознаваемые в тексте на русском языке (напр., в медицинском документе) и признаваемые языковой трудностью, — эту проблему можно можно решить переводом или дефиницией для читателей, которым этот термин неизвестен. Перед неизвестными терминами все участники, более или менее, равны.

Трудность № 2. Стандартный административно-профессиональный текст представляет собой определенный уровень трудности, требуя от читателя некоторого опыта в чтении научных или профессиональных текстов, а также привычки к сосредоточенности в этом занятии. Знакомство с фактической стороной описываемого в тексте объекта или процесса является важным подспорьем для понимания текста. Люди с высшим образованием справляются, как правило, с текстами такого типа, в то время как люди со среднеспециальным образованием зависят от навыков и привычек, полученных ими в привычной деятельности. Так, квалифицированный сварщик, скорее всего, будет прикладывать усилия, пытаясь удержать текст перед глазами и понять его по мере прочитывания, в то время как квалифицированная паспортистка неспециальную часть текста, по крайней мере, пройдет достаточно легко.

Трудность № 3. **«Грамотный юридический текст»** Текст «Правил приема...» вызвал наибольшие затруднения и дискомфорт при восприятии и чтении, с жалобами на необходимость перечитывать, чтобы поймать смысл. Неслучайно о нем отзывались даже так: «Живой человек такой текст написать не может». Тексты этого уровня особенно тяжелы для людей, не имеющих опыта работы с официальными документами. Непривычные правила организации текстового материала, громоздкость текста из-за многократного дублирования номинаций, непривычно большая длительность отдельных законодательных положений, а также повторяющиеся (для читателя) поиски начала и конца составных частей в рамках синтаксического целого могут вылиться в непреодолимое затруднение. Имеющие небольшой опыт спокойнее относятся к описанной специфике текстов, и только люди с большим опытом приобретают нормальный темп и свободу в действиях с «грамотными юридическими текстами».

Еще одна разновидность трудности документов юридического типа — неполная ясность относительно того, кому адресовано данное положение или какова цель его включения в данный текст. Неопытный читатель, начинающий думать на эту тему, занимается неблагодарным трудом. Опытный читатель понимает ситуацию и напрасным трудом (получением выводного значения) заниматься не станет.

Трудность № 4, с полным названием «Интерпретация юридического термина на основе общеупотребительного значения слова», встречается в положениях текста, содержащих неизвестный читателю смысл, скрытый за общеупотребительным словом или словосочетанием. Это случай введения нового юридического термина на основе единиц общеупотребительного языка. Он самый трудный и находится на грани доступности для понимания даже опытными респондентами.

Предложенная классификация трудностей является предварительной, прежде всего по ее локальной значимости в рамках отобранного материала. При расширении материала появится возможность уточнить ее типы как по их лингвистическим признакам, так и по корреляции с «лингвокогнитивным» типом респондента. Предполагается, что данный этап работы в дальнейшем должен обеспечить объективное обоснование для описания фактической компетенции представителей разных слоев населения в чтении и понимании официальных документов.

Заключение

Сопоставление и анализ результатов юридического и лингвистического подходов к выявлению трудностей текстов нормативных актов для рядового пользователя, а также определения причин их возникновения, обнаружили неоднозначную картину, в которой выявлены как сходные, так и разнородные явления при одинаково поставленной задаче для лингвистики и юриспруденции.

Представление трудностей с лингвистической стороны было проведено в соответствии с задачей исследования: показать их «глазами респондентов», расположив по возрастанию индекса трудности, сформированного по отзывам читателей, и совместив с текстами положений, которые их «породили». Как было показано в анализе текстов, на ощущение трудности «сработали» отнюдь не только структурно-языковые факторы: это были и особенности

формы текста, обусловленные требованиями официально-делового стиля, и содержательные аспекты текстов. Привлечение к описанию психолингвистического и когнитивного подходов, без которых реалистическое представление процессов восприятия и понимания речи невозможно в современной лингвистике, было закономерным.

Областью, в которой совместились представления юристов и лингвистов о языковых трудностях в юридических текстах, оказалась терминология: во-первых, как набор незнакомых слов при чтении, что является штатной ситуацией и в лингвистике, и в юриспруденции (трудность № 1, термин), и как набор знакомых слов при чтении, из которых с большим трудом удается, а иногда и не удается понять смысл текста (трудность № 4, термин, совпадающий с общеупотребительным омонимом по форме, но не по содержанию). На этой территории постоянно случаются конфликтные ситуации между профессиональными юристами и неопытным носителем, который, не обладая достаточной компетенцией в идентификации юридического vs общеязыковой тип значения, ошибается и вынужден отвечать за последствия. Тот факт, что трудности «стилистического» типа (отчасти трудность № 2, но в основном трудность № 3), связанные с официально-деловым стилем как своим источником, не замечаются юридической стороной в анализе материала, понятен и свидетельствует лишь о том, что юридическое сообщество судит о трудностях официальных текстов, исходя из собственных представлений о предмете, а не с позиции массового пользователя.

Тем не менее следует положительно оценить попытку выработки подхода к исследованию вопроса о доступности законодательных текстов для понимания массовым читателем как общей заботы двух формирующих ее сторон, юридической и лингвистической. Существующая сегодня в российском праве презумпция понятности любого юридического документа любому лицу, которое имело возможность с ним ознакомиться, а также документа, который оформляет волеизъявление лица в случае, если под документом стоит его подпись, не соответствует фактическому положению дел. Как показывают результаты проведенного социолингвистического исследования восприятия и понимания двух юридических документов из сфер медицины и образования, большинство респондентов испытывает существенные затруднения, хотя и в разной степени, с пониманием смысла этих текстов. На это же указывают примеры анализа юридических документов, предложенные в юридическом

разделе статьи. Очевидно, что из этого должны быть сделаны выводы применительно к правовой теории и практике.

Литература

- Баринаова 2006 — И. А. Баринаова. Ключевые слова в смысловой структуре текста // Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, И. Г. Овчинникова, Т. Н. Чугаева (сост.). ... Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 68–73.
- Богатырев 2015 — А. В. Богатырев. Особенности понимания текста в юридическом дискурсе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2015. № 1. С. 80–85.
- Ван Дейк, Кинч 1988 — Т. А. Ван Дейк, В. Кинч. Стратегии понимания связного текста // В. В. Петров, В. И. Герасимов (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–212.
- Голова 2011 — И. Л. Голова. Приемы мнемотехники для успешного запоминания при изучении иностранного языка // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей (электронное научное издание). 2011. № 3. URL: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/15.pdf (дата обращения 12.01.2019).
- Грайс 1985 — Г. П. Грайс. Логика и речевое общение // Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева (сост.), Е. В. Падучева (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Грозовский 2010 — Б. Грозовский. Закон, который никто не должен понять // Forbes. 08.10.2010. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/58143-zakon-kotoryi-nikto-ne-dolzhen-ponyat> (дата обращения 12.01.2019).
- Залевская 2001 — А. А. Залевская. Текст и его понимание. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2001.
- Левитан 2014 — К. М. Левитан. К проблеме адекватного понимания текста Уголовного кодекса // Российский юридический журнал. 2004. № 1. С. 44–51.
- Мильков и др. 2009 — А. В. Мильков, С. А. Параскевова, Э. Г. Айрапетова, Ю. В. Ковалева. Язык и стиль изложения судебных актов: научно-методические рекомендации. Эссендуки: 16-й арбитражный апелляционный суд, 2009.
- Сахарный 2006 — Л. В. Сахарный. К основаниям теории текстов-примитивов // Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, И. Г. Овчинникова, Т. Н. Чугаева (сост.). ... Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 45–50.

- Сёрль 1986 — Дж. Сёрль «Что такое речевой акт?» // И. М. Кобозева, В. З. Демьянков (сост.), Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
- Сиротко-Сибирский 2006 — С. А. Сиротко-Сибирский. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике // Т. И. Доценко, Е. В. Ерофеева, И. Г. Овчинникова, Т. Н. Чугаева (сост.). ... Слово отзовется. Памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2006. С. 63–68.
- TSM 2013 — Толковый словарь по медицине 2013 (электронный ресурс). URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения 12.01.2019).
- СЛТ — Словарь лингвистических терминов (электронный ресурс). URL: <http://encl-dic.com/linguistics/Funktionalnestili-868.html> (дата обращения 12.01.2019).
- Стучка 1918 — П.И. Стучка. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 5.
- Туранин 2010 — В. Ю. Туранин. Три причины трудности понимания текста закона // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 2–4.
- Шепелёв 2012 — А. Н. Шепелёв. Кому предназначены письменные формулировки закона? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 3. С. 74–81.

Источники

- Решение 2013 — Решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 10.09.2013 г. по делу № 2-1250/2013.
- Решение 2014 — Решение Шимановского районного суда Амурской обл. от 26.12.2014 г. по делу № 2-97/2014.
- Решение 2016 — Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 07.04.2016 г. по делу № 2-1984/2016.
- Постановление 2015 — Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Борского судебного района Нижегородской области по делу об административном правонарушении от 9.04.2015 г. № 5-60/2015.
- Определение 2015 — Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.03.2015 г. по делу № 33-1214/2015.
- Постановление 2011 — Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.09.2011 г. № 09АП-20798-2011-АК по делу N А40-6680-11-129-29.

References

- Barinova 2006 — I. A. Barinova. Klyuchevye slova v smyslovoy strukture teksta [Keywords in the semantic structure of the text]. T. I. Docenko, E. V. Erofeeva, I. G. Ovchinnikova, T. N. Chugaeva (eds.). ...*Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo* [...A word will echo. In memory of A. S. Shtern and L. V. Sakharny]. Perm: Perm State University Press, 2006. P. 68–73.
- Bogatyrev 2015 — A. V. Bogatyrev. Osobennosti ponimaniya teksta v yuridicheskom diskurse [Specific understanding of the text in legal discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2015. No. 1. P. 80–85.
- van Dijk, Kintsch 1988 — T. A. van Dijk and W. Kintsch. Toward a model of text comprehension and production. *Psychological Review*. 1978. № 85. P. 363–94. (Russian translation: T. A. van Dijk, V. Kintsch. Strategii ponimaniya svyaznogo teksta. V. V. Petrov, V. I. Gerasimov (eds.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 23: Kognitivnyye aspekty yazyka [New in foreign linguistics. Issue 23: Cognitive Aspects of Language]. Moscow: Progress, 1988. P. 153–212).
- Golova 2011 — I. L. Golova. Priemy mnemotekhniki dlya uspeshnogo zapominaniya pri izuchenii inostrannogo yazyka [Methods of mnemonics for successful memorizing in foreign language learning]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Periodicheskiy sbornik nauchnykh statey* (elektronnoye nauchnoye izdaniye) [Linguistics and methods of teaching foreign languages. Periodical collection of scientific articles] (electronic academic edition). 2011. No. 3. Available at: http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2011_03/15.pdf (accessed on 12.01.2019).
- Grays 1985 — H. P. Grice: Logic and Conversation. P. Cole, J. L. Morgan (eds.). *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. (Russian translation: H. P. Grice. Logika i rechevoe obshechnie. N. D. Arutyunova, Ye. V. Paducheva (comp.), Ye. V. Paducheva (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [New in foreign linguistics. Issue 16: Linguistic Pragmatics]. Moscow: Progress, 1985. P. 217–237.)
- Grozovskiy 2010 — B. Grozovskiy. Zakon, kotoryy nikto ne dolzhen ponyat [A law to be understood by nobody]. *Forbes*. 08.10.2010. Available at: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/58143-zakon-kotoryi-nikto-ne-dolzhen-ponyat> (accessed on 12.01.2019).
- Levitan 2014 — K. M. Levitan. K probleme adekvatnogo ponimaniya teksta ugolovnogo kodeksa [Concerning the problem of proper understanding the Criminal Code text]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2004. No. 1. P. 44–51.

- Milkov et al. 2009 — A. V. Milkov, S. A. Paraskevova, E. G. Ayrapetova, Yu. V. Kovaleva. *Yazyk i stil izlozheniya sudebnykh aktov: nauchno-metodicheskie rekomendatsii* [The language and style of judicial acts: the scientific and methodological recommendations]. Yessentuki: 16th Appellate Arbitration Court, 2009.
- Sakharny 2006 — L. V. Sakharny. *K osnovaniyam teorii tekstov-primitivov* [On the basis for text — primitives theory]. T. I. Docenko, E. V. Erofeeva, I. G. Ovchinnikova, T. N. Chugaeva (eds.). ...*Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo* [... A word will echo. In memory of A. S. Shtern and L. V. Sakharny]. Perm: Perm State University Press, 2006. P. 45–50.
- Searle 1986 — J. Searle. What is a speech act? In Max Black (ed.). *Philosophy in America*. Ithaca: Cornell University Press. P. 221–239 (1965) (Russian translation: J. Searle. *Chto takoe rechevoy akt?* I. M. Kobozeva, V. Z. Dem'yankov (comp.), B. Yu. Gorodetsky (ed.). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17: *Teoriya rechevykh aktov*. [New in foreign linguistics. Issue 17: Speech Act Theory]. Moscow: Progress, 1986. P. 151–169).
- Shepelev 2012 — A. N. Shepelev. *Komu prednaznacheny pismennye formulirovki zakona?* [Who are the written formulas of law addressed to?]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. 2012. No. 3. P. 74–81.
- Sirotko-Sibirskiy 2006 — S. A. Sirotko-Sibirskiy. *O probleme ponimaniya teksta v lingvistike i psikholingvistike* [On the problem of understanding text in linguistics and psycholinguistics]. T. I. Docenko, E. V. Erofeeva, I. G. Ovchinnikova, T. N. Chugaeva (eds.). ...*Slovo otzovetsya. Pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo* [... A word will echo. In memory of A. S. Shtern and L. V. Sakharny]. Perm: Perm State University Press, 2006. P. 63–68.
- SLT — *Slovar lingvisticheskikh terminov* [The Dictionary of Linguistic Terms] (electronic resource). Available at: <http://encl-dic.com/linguistics/Funktsionalnyje-stili-868.html> (accessed on 12.01.2019).
- Stuchka 1918 — P. I. Stuchka. *Proletarskaya revolyutsiya i sud* [The proletariat's revolution and the Judiciary]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*. 1918. No. 1. P. 5.
- TSM 2013 — *Tolkovyy slovar po meditsine 2013* [The Explanatory Dictionary of Medicine 2013] (electronic resource). Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed on 12.01.2019).
- Turanin 2010 — V. Yu. Turanin. *Tri prichiny trudnosti ponimaniya teksta zakona* [The three causes of difficulty of understanding law text]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2010. No. 1. P. 2–4.
- Zalevskaya 2001 — A. A. Zalevskaya. *Tekst i yego ponimaniye* [Text and its understanding]. Tver: Tver State University Press, 2001.

Sources

- Reshenie 2013 — Reshenie Zheleznodorozhnogo rayonnogo suda Samary [Decision of Zheleznodorozhnyi rayon court of Samara] 10.09.2013 case No. 2-1250/2013.
- Reshenie 2014 — Reshenie Shimanovskogo rayonnogo suda Amurskoy obl. [Decision of Shimanovskiy rayon court of Amurskaya oblast'] 26.12.2014 case No. 2-97/2014.
- Reshenie 2016 — Reshenie Leninskogo rayonnogo suda Vladivostoka [Decision of Leninskiy rayon court of Vladivostok] 07.04.2016 case No. 2-1984/2016.
- Postanovlenie 2015 — Postanovlenie mirovogo sudi sudebnogo uchastka N1 Borskogo sudebnogo rayona Nizhegorodskoy oblasti po delu ob administrativnom pravonarushenii [Judgment on an administrative offence of the peace court of judicial district N1 of Borskiy judicial region of Nizhegorodskaya oblast'] 9.04.2015 case No. 5-60/2015.
- Opredelenie 2015 — Apellyatsionnoe opredelenie Tyumenskogo oblastnogo suda [Appellate Determination of the Court of Tyumen oblast'] 11.03.2015 case No. 33-1214/2015.
- Postanovlenie 2011 — Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda [Judgment of the Ninth Arbitrazh Appeal Court] 01.09.2011 No. 09AP-20798-2011-AK case N A40-6680-11-129-29.